

ЗОЛОТАЯ ЭРА

ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ВИКТОР ПРОНИН

**И КРОВЬ,
И ДЕНЬГИ,
И ЛЮБОВЬ**

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Пронин, Виктор Алексеевич.

П81 И кровь, и деньги, и любовь / Виктор Пронин. —
Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-164445-1

Матерый преступник Аркадий Пыёлдин по кличке Каша совершает небывалый по дерзости побег из мест заключения. Оказавшись в Москве, он постепенно начинает новую жизнь: делает головокружительную карьеру, зарабатывает большие деньги, становится влиятельным и известным. Кажется, с темным прошлым покончено навсегда... Но воровская кровь Каши молчит до тех пор, пока он со своими подельниками не попадает на шикарную презентацию, в компанию сотен бизнесменов и политиков, сверкающих лоском и бриллиантами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164445-1

© Пронин В.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Человечество делится на террористов и заложников. Причем человек может быть одновременно и обреченным заложником по отношению к одним людям, и безжалостным террористом по отношению к другим. Чаще всего так и случается.

Автор

Аркадий Константинович Пыёлдин.

Да, по документам, собранным в многочисленных уголовных делах, его звали именно так. А в быту, на нарах, в тюремных коридорах, на лесоповалах проще — Каша. От слова «Аркаша». Почти всю свою сознательную жизнь Пыёлдин был эком. Сидел он часто и по самым различным поводам. Не стоит перечислять номера статей, по которым ему пришлось отсиживать. Главное в другом — Пыёлдин постоянно думал только о побеге. Ни о чем другом думать он просто не мог.

Да и не хотел.

В мыслях, во сне, в бреду, в разговорах у него была одна тема — побег.

Конечно, целеустремленность, отчаянная безрас- судность, опять же богатейший опыт всевозможных отсидок рано или поздно давали ему возможность для побега. И он убегал.

Естественно, его отлавливали, а как человека про- стодушного и непосредственного, отлавливали куда быстрее и успешнее прочих. И возвращали на прежнее место, а то и в более суровое, не забывая при этом за нарушение режима добавлять годик-второй к сроку. Так уж получилось, что последние десять лет его судили за одни лишь побеги. Не бегай он из мест заключения, давно бы вышел на свободу на законном основании.

Но, похоже, Пыёлдин этого и не желал.

И постепенно, с годами, весь смысл его жизни свелся к двум вещам — побегам и перепрятыванию. Побегу ему удавались, и неплохие побегу, красивые, можно сказать. А вот прятаться Пыёлдин не умел, натура подводила. Уж очень ему хотелось рассказать, какой он ловкий, шустрый, неуловимый, как здорово всех облапошил и удрал из таких мест, откуда никто никогда не удирал. Стукачи исправно отработывали свой хлеб, местопребывание Пыёлдина тут же становилось известным всем заинтересованным службам, его засекали, брали под белые руки и возвращали на еще не остывшие нары.

Сказать, что Пыёлдин очень уж убивался, страдал и каялся?..

Нет, не было этого.

Огорчался?

Да, огорчался, но не более того. Перед ним открывалась новая возможность посмеяться над охраной, восхититься собой. Побегу стали для Пыёлдина чем-то вроде наркотика, он просто стремился повторять их снова и снова. Но для этого необходимо было снова оказаться в заключении...

И он там оказывался.

Начальник тюрьмы Суковатый, получив в свое распоряжение Пыёлдина, внимательно ознакомился с его делом и, конечно же, принял меры — усилил охрану, определил Пыёлдину особый режим, чтобы тот постоянно чувствовал на себе глаз настороженный и суровый.

Авторитеты в камерах выясняли непростые свои отношения, кого-то били, кого-то «опускали», возводили в воровские ранги — Пыёлдина это нисколько не интересовало. Его самостоятельность признавали и не трогали. Он сидел в сторонке, уважительно слушал, но в разговоры не вмешивался. При этом все знали, что

если уж бежать, то только с Кашей, Каша в побеге незаменим, там, где Каша, — там успех, победа и в конце концов свобода.

Пыёлдин подолгу смотрел в зарешеченное окно, и взгляд его был задумчив и затуманен. К новичкам он относился с неизменным уважением, расспрашивал о жизни, интересовался прежними занятиями, увлечениями, друзьями. Расспрашивал подробно, даже с некоторым пристрастием. Те поначалу настораживались, но им объясняли, что Пыёлдину можно довериться, не подведет, не предаст.

Обнаружив как-то среди новеньких бывшего фокусника, Пыёлдин несколько дней ходил воодушевленный, посматривал на всех хитро, с прищуром, но потом сник — не смог придумать, как использовать для побега уникальные способности циркового мага и волшебника. Фокусы тот показывал охотно, но свободу они нисколько не приближали.

— Ну что, Каша! — окликали его угрюмые и насмешливые. — Когда назначаешь побег?

— Да вот стемнеет... И рванем. Нас уже ждут.

— Кто ждет-то?

— Верные люди, — заверял Пыёлдин. — И столы накрыты, и банька протоплена.

— А девочки в сборе?

— До отвала девочек, — заверял Пыёлдин.

Зэки весело смеялись, толкали друг друга острыми локтями, взбрыкивали ногами, потому что даже самые дикие мечты о свободе все-таки грели их непутевые души, позволяли произнести слова, от одного звучания которых хотелось улыбаться и смотреть в небо — банька, накрытые столы, девочки... Хотя какие девочки? Все прекрасно понимали, что речь идет об изморожденных жизнью мясистых тетках, согласившихся ждать их, пугливых и хмурых.

И вот однажды, знакомясь с прибывшим пополнением, Пыёлдин обнаружил среди воров и мошенников... Да, бывшего вертолетчика. Как-то он там, на воле, злоупотреблял служебным положением, использовал дорогую машину в личных целях, обогащался, перебрасывая в недоступные места коров и коз, доски и песок, а однажды даже каких-то хмырей от погони спас. И, конечно, попался, на радость Пыёлдину, оказался с ним в одной камере на соседних нарах.

— Так, — сказал Пыёлдин просветленно. — Так, — повторил он и обвел сокамерников взглядом шалым и обнадеживающим.

— Забрезжило? — спросил его старый громила Козел и подмигнул остальным обитателям помещения. Потешимся, дескать.

— Раздайся море — говно плавает! — ответил с достоинством Пыёлдин. Слова эти были не всем понятны, но столько в них было уверенности и пренебрежения к тяготам окружающей жизни, что сокамерники, переглянувшись, смолкли. Пыёлдин, прыгнув с нар, азартно прошелся по кругу непередаваемой своей походкой — полуприсев, согнув руки в локтях, двигая ими взад-вперед и играя плечами. Радостное возбуждение охватило его, и, не сдержавшись, все так же пританцовывая, подошел он к вертолетчику и расцеловал в обе небритых щеки. И хотя не было нигде вокруг вертолета, да и быть не могло, хотя сам вертолетчик Витя сидел на нарах, тоскливо глядя в зарешеченное окно, что-то изменилось в мире, потянуло свежим ветерком свободы, и Пыёлдин первым почувствовал этот еле уловимый, нежный сквознячок. Исходил он от мордатого Вити, который смотрел на Пыёлдина подозрительно и настороженно.

А мысль Пыёлдина продолжала работать в заданном направлении — есть вертолетчик. Значит, вывод

может быть единственным — нужен вертолет. «Нужен вертолет!» — твердил себе Пыёлдин, но ни слова никому не говорил. Знал, твердо знал — есть в камере стукачи, и стоит ему обронить одно неосторожное словечко, как оно сразу станет известно Суковатому, начальнику тюрьмы. И любой его план, самый тонкий и замысловатый, рухнет в тот же момент.

Такой план у Пыёльдина возник — именно тонкий и замысловатый.

Но требовалась встреча с начальником тюрьмы. Предлог годился любой. И Пыёлдин начал добиваться такой встречи, хотя надежды на успех было немного. Но дошел, дошел до Суковатого слух, что беглец-профессионал Пыёлдин хочет с ним повидаться. И наконец наступил день, наступил час, когда Суковатый согласно кивнул большой кудлатой головой.

— Ладно, — сказал он. — Ведите. Посмотрю, что за хмырь.

Большого впечатления Пыёлдин никогда не производил, а тут и вовсе показался Суковатому каким-то мелковатым, жуликоватым, даже трусоватым, что, в общем-то, действительности не соответствовало. Но Суковатый этого не знал и с легким пренебрежением, с чуть заметным недовольством наблюдал, как Пыёлдин, потоптавшись у двери, сам подошел к окну и выглянул во двор, что само по себе уже было наглостью. Но Пыёлдин тут же спохватился и снова замер у двери, скрестив руки в нижней части живота.

— Ну? — сказал Суковатый. — И что?

— Мыслями хотел поделиться, гражданин начальник, — смиренно произнес Пыёлдин.

— Чем? — отшатнулся начальник от стола.

— Лежишь вот так ночью на нарах, а мысли идут, идут... И не знаешь, что с ними делать. — Пыёлдин

подкатил глаза к потолку и на некоторое время замер в позе униженной и печальной.

— Насколько мне известно, мысли у тебя могут быть только об одном, — усмехнулся Суковатый и весело подмигнул конвоиру, который доставил Пыёлдина из камеры.

— Думаете, о бабах? — Пыёлдин расчетливо опередил начальника и сразу сбил того с подозрения о побеге. — Ошибаетесь, гражданин начальник. Очень крепко ошибаетесь.

— Неужели?

— Какие бабы, — вздохнул Пыёлдин.

— О чем же твои мысли?

— О пользе дела.

— Надо же, — крутнул головой Суковатый. — Где же, в какой области человеческой деятельности ты решил принести пользу?

— В воспитательной области.

— Так, — крикнул Суковатый. — Продолжай.

— В тюремной, — добавил Пыёлдин.

— Одобряю. Говори.

— Предложение мое заключается в том, чтобы исключить самую малую возможность побега заключенных, подследственных, подозреваемых... И прочих, которых вы призваны охранять по долгу службы.

Пыёлдин произнес все это с такой скорбью в голосе, посмотрел на Суковатого так честно и проникновенно, что тот устыдился дурных мыслей об этом несчастном человеке.

— Ты считаешь, что охранные меры недостаточны?

— Видите ли, гражданин начальник... Охранные меры, это как деньги — их никогда не может быть слишком много. Они никогда не могут быть излишними. Если есть возможность повисить, укрепить, преду-

смотреть, значит, надо повесить, укрепить и предумать.

Суковатый опустил голову, поправил телефон на столе, сдвинул в сторону календарь. Взгляд его был озадаченным и смущенным.

— Не понимаю я тебя, Пыёлдин, — сказал он. — Не понимаю. Всю жизнь ты бегал, как поганый заяц...

— Когда-то надо и остановиться. — Пыёлдин потупил глаза.

— Так... Это мне нравится. Наконец-то ты решил взяться за ум... Я уж, честно говоря, и не надеялся. Приветствую. Одобряю. Что предлагаешь?

— Я присяду? — спросил Пыёлдин.

— Садись. Хотя, как мне кажется, ты уже давно сидишь? А? — Суковатый расхохотался.

Пыёлдин к шутке начальства не присоединился, на стул у двери сел молча, с самого краешка, но с достоинством.

— Значит, так, — он в волнении потер ладонями по коленкам. — Смотрю я как-то в окно камеры... И что же вижу?

— Действительно, что же ты видишь?

— Я вижу, как по полю электрики тянут высоковольтную линию... Мачты ставят, катушки с кабелем подвозят...

— Предлагаешь по нашей колючей проволоке высокое напряжение пустить? — посуровел Суковатый. От гнева он даже со своего стула приподнялся и тяжело навис над тщедушным Пыёлдиным.

— Упаси боже! — замахал руками Пыёлдин. — Как вам такое только в голову могло прийти, гражданин начальник?! — От охватившего его ужаса Пыёлдин руками прикрыл лицо. — Это же негуманно, это не по-нашему... О другом речь, совсем о другом... Вы видели, какие мачты устанавливают? Красота! Насто-

ящая сталь, прекрасный уголок, серебристая краска... Солнце из-за тучки выглянет — глазам больно смотреть на эту мачту... Сверкает будто в иное... Хотя некоторые мачты, как я заметил, с нарушением сделаны. Не годятся они для высоковольтной линии... Размеры сварщики не соблюли, доставили небрежно, конструкции смяты, изломаны...

— Ничего не понимаю! — Суковатый беспомощно посмотрел на конвоира, но и тот бестолково развел руками. — Дурака валять пришел? Какие мачты, какие размеры? Что ты несешь?!

— Мысль моя устремляется дальше, гражданин начальник, мысль моя не стоит на месте, — ответил Пыёлдин, делая успокаивающие взмахи ладошками. — Вот бы эту, не совсем пригодную для монтажников мачту установить на крыше нашего здания, а? Стены бетонные, перекрытия из плит, выдержат. И взметнется красота неписаная на двадцать метров вверх! А!

— А на фига? — настороженно спросил Суковатый. От напряжения мысли он взмок и вытер лоб платочком.

— Как?! — вскричал Пыёлдин потрясенно. — Вы не хотите?!

— На фига? — угрюмо повторил Суковатый.

— Установить мачту на угол здания, в самом верху наварить площадочку для часового, сделать навес, чтоб не мок он там под дождем, чтоб не заметал его снег, протянуть свет, установить прожектор... Вся тюрьма как на ладони! Мышь не пробежит незамеченной! А если какое нарушение, если кто задумает перебросить через забор водку, деньги, наркоту отвратную, чай для чифира... Вам тут же будет известно! Все тут же будет лежать на вот этом столе. А мачта, о, какая мачта! — Пыёлдин, обхватив голову руками, некоторое время раскачивался из стороны в сторону. — Это не

мачта, а мечта! Она же светится, она украсит нашу любимую тюрьму и придаст ей вид нарядный, но в то же время бдительный, неприступный. Начальство ваше как увидит — сразу устыдится! Дескать, как сами не додумались! И ваш опыт распространит по всем тюрьмам Содружества! — Пыёлдин обессиленно откинулся на спинку стула и неотрывно смотрел в глаза Суковатого, призывая все свои внутренние силы повлиять на начальство, внушить ему восторг, чтобы не отказал Суковатый и принял бы его предложение.

— Ну, хорошо, — недоверчиво протянул тот. — Скажи тогда, будь добр... А чего это ты, вечный бегун, вдруг предлагаешь меры по устранению побегов?

— Устал я, начальник... Сколько можно бегать... И потом, подумал... Вдруг потеплеет у вас на сердце, и в моем деле вы пару добрых слов запишете... Дескать, вел себя пристойно, порядок не нарушал, даже заботился... Глядишь, оно мне и зачтется, а?

— Хм, — Суковатый поднялся, вышел из-за стола, остановился у окна. И в самом деле увидел, как через пустырь, мимо тюрьмы, на окраину города и дальше в степь протянулся длинный ряд мачт. Хорошие мачты, вынужден был признать Суковатый, высокие. И устойчивые. Если все грамотно рассчитать, забетонировать болты, то установить такую мачту можно без особого труда. И ступеньки можно наварить, и площадку с перильцами, и для прожектора место найдется... — И как это тебе в голову пришло? — Суковатый подозрительно посмотрел на Пыёлдина, который, зажав ладони коленями, молча раскачивался из стороны в сторону.

— Я же это... Старый по этому делу... Монтажник не один год оттрубил. — Пыёлдин кивнул в сторону окна.

— Да? — удивился Суковатый. — Что-то я в твоей папке об этом не читал.

— А что там напишут, — горько произнес Пыёлдин. — Украл, обманул, сбежал... Хорошее разве увидят, разве отметят? Наоборот... Если и есть что-то в человеке достойное, обязательно вычеркнут.

— Ладно тебе жаловаться! Кому-кому, но уж тебе-то грех...

— Я не жалуюсь... Живу и живу, — смиренно произнес Пыёлдин и отвернулся с безнадежностью во взоре.

— Отведи его, — сказал Суковатый конвоиру.

— Хоть дело предложил? — осмелился спросить Пыёлдин, уже переступив порог.

— Разберемся, — сухо ответил начальник тюрьмы.

— Как скажете. — И Пыёлдин вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Но увидел в последний момент, увидел все-таки — задумался Суковатый. Еще дверь была приоткрыта, а он уж к окну потянулся. «Значит, будет прикидывать, глядишь, позвонит кому-нибудь, узнает, кто работы ведет», — удовлетворенно подумал Пыёлдин. Знал он, что начальник самолюбив и тщеславен. Если уж подвернется ему возможность заслужить похвалу от руководства — в кровь расшибется, а такого шанса не упустит.

Прошла неделя, вторая. Пыёлдин заскучал, решив, что затея с серебристой вышкой сорвалась. Монтажники уходили все дальше, они уже миновали окраины города, а начальник тюрьмы ничего не предпринимал, и, хотя беседы Пыёлдина с вертолетчиком продолжались, дело не двигалось.

И вдруг...

Возвращаясь однажды от следователя, который допрашивал его чуть ли не через день, все пытаясь вызнать какие-либо подробности давнего его заблуждения, Пыёлдин увидел, как во двор тюрьмы медленно

въезжает тягач, а на прицепе... Да! Сверкает-искрится мачта для высоковольтных линий электропередачи.

О, какой радостный вопль раздался в душе Пыёлдина! Но виду он не подал, в камеру вошел уныло, не произнеся ни слова, забрался на нары и отвернулся к стене, чтобы даже по взгляду никто не догадался об истинном его состоянии. Пыёлдинский план, несмотря на всю фантастичность, начал осуществляться. Все и сейчас могло сорваться, свобода была так же далека, как и прежде, но что-то в мире произошло, что-то сдвинулось, зашевелилось, будто легкий предгрозово́й ветерок пробежал по листве, запыленной и поникшей.

На следующий день во время прогулки по тюремному двору Пыёлдин прошел мимо мачты, вроде равнодушно прошел, взглядом сумрачным и забитым скользнул вдоль всей ее длины и, не замедляя шага, поволокся дальше, чтобы даже у конвоира не возникло желания сделать ему замечание, подтолкнуть, поддать сапогом под тощеватый зад. И потом, не исключал осторожный Пыёлдин, что Суковатый в этот самый момент смотрит на него из своего окна — любил начальник тюрьмы с высоты третьего этажа понаблюдать за перемещениями по двору людей, машин, грузов.

— И ладно, — пробормотал Пыёлдин. — И хорошо. И пусть.

Мачта оказалась явно короче, чем он предполагал, конечно, не было в ней двадцати метров, в лучшем случае двенадцать. Но это неплохо — окажись мачта и в самом деле двадцатиметровой, Суковатый мог бы отказаться от затеи, побоялся бы, что она ему всю тюрьму разрушит. А так вполне нормальная, можно сказать, даже скромная длина. И установить ее на углу здания можно без всякой опаски на зависть всем тюремщикам ближнего и дальнего зарубежья.

В тот же вечер связался Пыёлдин с волей, изловчился передать с адвокатом записочку, чтоб, дескать, ждали его, чтоб подготовили все, что требуется, в достаточном количестве. Имелся у него такой адресок, были верные люди, которые знали твердо — отлучился Каша ненадолго, скоро пожалует. То-то будет радости, то-то выпьют ребята за удачу его, за отчаянную пыёлдинскую душу, за нестареющий нрав. Млел и наслаждался Пыёлдин, отвернувшись к стене, все в нем ликовало, пело и ходуном ходило, но сокамерники видели только узкую, скорбную спину да стриженный затылок.

Конечно же, никогда в жизни Пыёлдин монтажными работами не занимался, не приходилось ему ни мачты устанавливать, ни бетонировать болты, но он надеялся на свою смекалку, прикидывал, как найти человека, который бы хоть немного разбирался во всей этой премудрости. Если, конечно, дело дойдет до сооружения вышки, если не остановится Суковатый в своем стремлении выделиться среди прочих начальников тюрем, которых немало разбросано по всей земле — унылых и забитых, без полета, дерзости и стремления. А вот Суковатый... О, этот Суковатый!

И наступил день, когда Пыёлдин понял, что удача не отвернулась от него, не покинула его в жизни бесполой и преступной. Да он и сам изо всех сил старался не вспугнуть ее громким голосом, несуразным словом, даже надеяться на нее считал грешным делом. Притих Пыёлдин, вроде бы даже смирился, и взгляд его сделался приветливо-затаенным, и все поведение, может быть, даже незаметно для него самого, стало вкрадчивым, по-кошачьи мягким. Люди, хорошо знавшие Пыёлдина, могли бы уверенно сказать, что не к добру это, что на изготовке Пыёлдин и лишь выжидает момент, чтобы совершить новый умопомрачительный

прыжок. Но таких людей в этой тюрьме, в этой камере не нашлось, и потому все решили — сломался Пыёлдин, не выдержал многолетних тюремных тягот. И никому в голову не приходило, что никогда еще не был он так воодушевлен, никогда так полно не охватывал его порыв безрассудный и отчаянный.

— Пыёлдин! — заорал дурным голосом конвоир, как-то заглянув в камеру. Заорал так, что все ее обитатели вздрогнули от неожиданности. — Есть такой?

— Ну? — подал голос Пыёлдин.

— На выход!

— С вещами?

— Ха! Рановато тебе еще с вещами... Лет через десять вызову с погаными твоими вещичками... Если будешь хорошо себя вести. В следующем тысячелетии выйдешь.

— Говорят, скоро конец света наступает, — пробормотал Пыёлдин, соскальзывая с нар. — Все избавление...

— Тебя это не касается! Не надейся. Ишь, размечтался! Если конец света и состоится, то не для тебя... Ты свое отсидишь в любом случае.

— Дай бог, — пробормотал Пыёлдин, семена к выходу и на ходу натягивая фуфайку.

— Что-то не нравишься ты мне, Пыёлдин, какой-то ты сегодня не такой, а?

— Годы, — Пыёлдин развел руками. — Годы... С ними не поспоришь. Кого угодно к земле пригнут. Куда идем-то?

— Начальник вызывает.

— Это хорошо.

— Работу хочет важную поручить.

— Работа всегда в радость! — не сдержавшись, воскликнул Пыёлдин. — Работой нас не запугаешь!

— Ну, ты даешь! — покачал головой конвоир, хорошо знавший о многочисленных отсидках зэка. — Кто же тебе раньше-то мешал отдаваться работе без остатка?

— Да ваш брат и мешал... Бывало, только соберешься, только настроишься на ударный труд, а вы уж тут как тут... «Руки вверх! — кричат. — Стрелять буду!» Собаками травят, руки вяжут, запихивают в какие-то кутузки на колесах... Какая работа, если руки связаны?

— Ну, ты даешь, — повторил конвоир. — Хитрый ты мужичок, как я посмотрю, ох и хитрый... С тобой надо ухо остро держать.

— Держи, — кивнул Пыёлдин и тут же спохватился — если даже этот мордovorот что-то заподозрил, если уж он считает его хитрецом и пронырой, то останавливаться надо срочно.

И Пыёлдин замолк. На все слова конвоира лишь печально качал головой не то осуждающе, не то безразлично.

— Давно не видел тебя, Пыёлдин! — встретил его Суковатый напористо и улыбочиво. — Где пропадал?

— Делом был занят.

— Каким?! — поперхнулся начальник.

— Срок отбывал.

— И как?

— Нормально... Идет срок. Совсем немного осталось.

— Говорит, конец света ожидается, — доложил начальству конвоир. — Дескать, стены рухнут, мертвецы из могил поднимутся... Надеется среди них и затеяться.

— Точно? — переспросил Суковатый.

— Как получится, — уклонился от ответа Пыёлдин. — По-разному может получиться...